

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 89–95, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-89-95
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(470.51)

The Udmurt *Kumyshka*: Documentary Evidence of Everyday Life in the Latter Half of the 18th – 19th cc.

Nikolai V. Pislegin ¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Senior Research Associate, Department for Historical Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of the RAS (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: cpeg@rambler.ru.

Abstract

Kumyshka is traditionally studied by scholars specializing in Udmurt regional ethnography. The article provides an overview of archival documents describing the ritual and everyday use of the product. Being the traditional alcoholic beverage of the Udmurt people, by no means could *kumyshka* escape the attention of the state. From the mid-18th century corresponding bans were systematically imposed by authorities, and in the periods when it was legalized — significant restrictions were introduced. The ban on its sale was the main one; its alcoholic content was also limited. The existing restrictions were aggravated by corruption. The very term '*kumyshka*' apparently derives from the Russian '*kumushka*' ('godmother'), its occurrence being related to the mass Christianization of Udmurts. In the early 19th century, *kumyshka* was used not only in the traditional prayers but also during Orthodox holidays which may testify of significant elements of religious syncretism since thus — through the use of *kumyshka* — traditional Udmurt cults and Orthodox ceremonies were connected. Initially, cauldrons for its preparation could be made of both iron and copper. Some archival documents about *kumyshka* provide a unique opportunity to study the everyday life of peasants. Those contain information about the peculiarities of contacts between individuals, their economic activities, food, household items, one can learn about their formal and informal names as well as some small tricks of peasants (e.g., men and especially women would pretend to be ignorant of Russian), etc. According to the study results, the idea of small-scale spread of alcoholism in the pre-revolutionary period rooted in present-day public consciousness proves to be biased propaganda. Still, of course, alcoholism of separate individuals does not mean that drunkenness was inherent to the nation in general. *Kumyshka*-related events are reflected in some archival documents. Those represent a unique opportunity to highlight the ordinary everyday life of Udmurt peasants at a time when no systematic studies were conducted by pre-revolutionary ethnographers. And, moreover, the documents provide significant materials that characterize a number of other elements of material and spiritual culture of the peoples which had inhabited the region, contain ethnographic sketches that can add to the existing scientific ideas (trends) of the 'bygone nature'.

Keywords: Udmurts, *kumyshka*, ceremonial beverage, government regulation.

Обращение к алкогольному напитку удмуртов, обладающему обрядовыми функциями, — кумышке — является традиционным для региональной этнографии (см., например: [Блинов 1867; Михеев 1928; Трофимова 1991; Никитина 1998; Никитина 2004; Никитина 2015; Орлов 2004; Владыкин 1994; Волкова 2003; Попова 1998; Садиков 2008; Христоробова 2004; Шутова 2016; Удмуртская Республика 2012: 78]). Настоящую статью мы считаем попыткой дополнить их картинами встречающейся в архивных документах народной повседневности, связанной с этим продуктом, его ритуальным и обыденным использованием.

Бытование кумышки сопровождалось периодическими запретами на ее производство. Впервые системный государственный запрет был оформлен в середине XVIII в. законами 1749–1751 гг. В ходе массового изъятия посуды для «курения вина», производившегося у северных удмуртов, а также их соседей — татар и бесермян, в 1755 г. вместо обнаруженных кубов и казанов отбирались котлы. Интересно, что самогон в этот период изготавливался не только в чугунной (известной также по этнографическим свидетельствам), но и медной посуде. К 9 июня было изъято 56 медных и 460 чугунных котлов различного веса и объема. Почти половина (26) медных котлов принадлежали татарам и бесермянам (в Большом и Нижнем погостах «Парзинской бесермянской доли» — 10, Нижнем и Илясовом погостах Каринской татарской доли — 13, Верхнем погосте той же доли — 2. В наши дни данные селения составляют с. Карино, расположенное в Слободском районе Кировской области. Также возможно, что крестьяне уже расселились отсюда, официально числясь еще в «погостах». Еще 1 котел был, очевидно, из бесермянских «Ежевских деревень Нижней доли». У них же было изъято 20 чугунных изделий (в том числе 15 — в Каринской бесермянской доле). На долю удмуртов, соответственно, пришлось 30 медных и 440 чугунных котлов, отобранных и высланных в Слободскую воеводскую канцелярию (в их числе, правда, 45 — из удмуртско-бесермянских «Ежевских и Юберевских деревень Лекомской стороны») [РГАДА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 91. Л. 251–253]¹. Медные котлы, упоминаемые

¹ Этнословную принадлежность населения административно-территориальных единиц можно определить по сказкам II ревизии 1744 г.

в начале XIX в., имелись в рассматриваемый период также у марийцев. Заметим, что в использованном нами источнике — рапорте вятского губернатора П. С. Рунича императору Александру I — наряду с объективными имеются и явно недостоверные сведения об удмуртском кумышковарении (в принципе характерные для высших уровней власти этого периода: достаточно вспомнить периодически «всплывавшие» попытки отождествить удмуртский напиток с кумысом), такие, как варка продукта в «глиняных корчагах или чугунных и медных горшках» [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 15об., 58–59].

Исходя из источников, можно утверждать, что термин «кумышка» в середине и даже в конце XVIII в. еще не использовался (традиционное название для этого времени — «вино» (см., например: [ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 3. Д. 18. Л. 2–229]). Отсюда заслуживает внимания высказанное В. С. Чураковым предположение, что название явилось производным от русского слова «кумушка» (изначально удм. *кума вина* — лучший сорт кумышки), т. е. она была напитком, приготовляемым для потчевания «восприемников» при крещении, первоначально, как правило, русских. Он, в свою очередь, развил положения И. С. Михеева и в определенной степени А. Столбова и других исследователей конца XIX — начала XX вв., утверждавших, что обычным наименованием кумышки среди северных удмуртов было *вина*, южных — *арака* [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 8об., 9об.; Михеев 1928: 146–159]. Массовое крещение удмуртов, как мы знаем, происходило, начиная с 1740-х гг. Термин не мог быть заимствован из тюркских языков (у ближайших соседей удмуртов — татар и башкир — кумыс, от которого достаточно часто пытаются вывести слово, звучащее примерно как *кымыз*, что никак не могло дать удм. *кумыш*) или быть принадлежащим к исконной удмуртской лексике (например, ввиду отсутствия в ней суффикса *-ка*). К сожалению, в настоящий момент данная точка зрения не имеет своего подробного, обоснованного отражения в современных опубликованных научных статьях.

[см., например: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 415–428об.]. Вместе с тем есть «разночтения» между ними (а также данными III ревизии 1762 г.) и использованными нами данными 1755 г.

Архивные источники позволяют утверждать, что в начале XIX в. (1803 г.) удмурты, например, в Селтинском крае (д. Селты, поч. Аяшур-Монья), в котором отмечалось значительное число официально придерживающихся традиционных верований, а в 1800–1803 гг. волостным головой был некрещеный удмурт Едей Семенов, с кумышкой не только играли свадьбы с венчанием (причем летом, 1 июля, «на другой день праздника Петра и Павла»), но и встречали православные праздники (Петра и Павла, Медовый Спас). На «валовом» сходе 19 ноября 1802 г. крестьяне Нылга-Жикьинской волости Сарапульского уезда просили в случае «воспоследования монаршей милости» разрешить им выкурку самодельного вина с условием уплаты 25 коп. в год с ревизской души 4 раза в год, «к празднуемым в году дням», — на Пасху, в Петров день, к Рождеству и на Масленицу. Выскажем логичное, на наш взгляд, предположение, что таким образом происходило увязывание ритуального использования кумышки в традиционных культах удмуртов с православными праздниками. Как итог, выросло то обоснование, что кумышка им, уже крещеным, необходима тем не менее для молений. В качестве маленького штриха к повседневной жизни крестьянства и власти добавим слова селтинского волостного писаря Фофана Бармина, объясняющего, почему они вместе со своим помощником, поверенным Глазовской питейной конторы, сидельцем Селтинского питейного дома и донскими казаками не приступили к обыску в хозяйстве некрещеного удмурта из Селтов Аники Микоева: «...видя их [удмуртов. — *Н. П.*] пьяными, опасаясь, дабы они, огорчась, не учинили бунту» [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 15об., 54–54об.; ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 588, 600, 606об.–610об., 613, 615об.].

Заметим, что данные события, получившие отражение в документах уездного суда, представили уникальную возможность осветить жизнь селтинских крестьян начала XIX в. Так, деревенский десятник поч. Аяшур-Монья 35-летний Федор Данилов вместе с женой, 35-летней Гилбикой, 1 июля уехали из дома на 3 дня погостить, попить пива у шурина Алексея (второе, «языческое», имя — Бикмурза) Байтурзина в поч. Нузык-Бию. В это время к нему заезжал для перемены лошадей поверенный Глазовской питейной конторы Василий

Овчинников, его привез «за условленную плату» (например, земский суд и казаков «ямщики» возили бесплатно в рамках отбывания подводной повинности) из д. Юбери ямщик, некрещеный удмурт Зансент Зянкеев. Немного позже десятник занимался «в поле» огораживанием подсеки, а его сын, 18-летний Трофим (женатый на 16-летней Парасковье), — «в лугах для горожения ж сена». Во время отъезда родителей Трофим отлучался в гости в поч. Сюромошур, а Парасковья ходила к соседям «для питья пива», причем в это время в их чуме соседи также пили пиво, принесенное из погреба (в реальности, думается, наряду с пивом логично видеть и кумышку¹). Во время жатвы последняя могла забыть в поле «детский пеленальный пояс». Тогда же 40-летний Андрей-Атыр Сидоров уезжал за 15 верст на 3 дня в гости к сестре в д. Буим, а его сын, 14-летний Дмитрий, пробыл 4 дня у тестя в с. Мултан (жена была «взята» в 1802 г. около Петрова дня, сколько ей лет, он будто бы не знал, жили с ней невенчанными, «которая по сватовстве и живет с ним в одном доме обще с его отцом и спит с ним, Дмитрием, на одной постеле, с которой чинит блудодеяние»). Их сосед, 30-летний Роман Андреев, примерно в это же время также занимался огораживанием подсеки, а его жена Кесчибей и брат, 19-летний Мырай-Василий Федоров (к слову, на него падала очередь предоставить 2 лошадей для В. Овчинникова, их он «забрал с поля» и привел во двор Федора Данилова), «отлучались» на целый день на собственную мельницу в 2 верстах от деревни молотить рожь. Его сестра Сестяк (допрашивающим она, как и «забывчивая» жена брата, отказалась назвать свои имя и возраст, «объясняя только то, что зовут ее девкой»; имя мы знаем из показаний мужчин) из амбара забирала масло для выпечки блинов. Житель поч. Поргурта 50-летний Иван Ермолаев

¹ Заметим, что и от пива, например, после такого общественного деяния, как помощь, желающие крестьяне вполне могли сильно опьянеть. Так случилось в начале августа 1796 г. в поч. Зюзинском русской, приписной к Ижевскому железоделательному заводу Верховской Рождественской волости (Глазовский уезд), где вечером, после полевых работ по жатве овса, у Михаила и Харитона Воробьевых на последовавшем по традиции угощении все употребляли пиво, от чего «весьма» захмелели [Пислегин 2014: 91–92].

(или «по-вотски» Еркей Ермаков) «приносил» находившемуся в 3 верстах от его селения в поч. Аяшур-Монье волостному голове жалобу на «обывателей» д. Сурдошур «о травеже ими в яровом их поле своему скоту хлеба». 28-летний Петр Степанов находился в искомом починке, чтобы предложить своему дяде Сергею Петрову мед «за цену», к этому последнему также приходил 45-летний Семен Родионов для приобретения «заимобразно» ржи на посев («но как он тогда, по сказанию домашних его, спал, то сказанный Родионов из дому его и ушел»). Женщины могут спать в «клетки» (после полудня), больными лежать в «чуме», ходить по грибы; мужчины — городить с работниками (но без их хозяина) «на другой день праздника 1-е Спаса» поутру поля с овсом и льном, а «перед вечером» «рубить» лыко или «с полудни» отправиться в лес за лошадь, «ходившею от селения верстах в трех», чтобы привести ее в лес «поблизости селения» (или, наоборот, отвести распряженных лошадей в поле за 3 версты от деревни), на следующий день — жать хлеб «с женой». Во время поисков кумышки у жителей находили медные трубы («красной меди труба длиною в аршин»; «трубы, прочные к винокурению»), глиняный («балзанный») кувшин, бурак и деревянную флягу («осмух в шесть») с «корчемным вином». На свадьбе в Селтах гости пировали в «чумах», были «не по один день» пьяны (правда, якобы от специально сваренного по такому поводу пива и купленного в питейном доме вина), как например, когда 60-летний Аника Микоев «на другой день после Петрова дня» выдавал замуж жившую у него племянницу Парасковью. Ее он заранее «просватал» за «новокрещена» из поч. Жайгиль Исая Максимова. В «полдни» невесту увезли в дом жениха («сказанной Аника, будучи пьян, остался с прочими гостями дома»). Амбар Аники запирался «одною только внутри сделанною у дверей задвижкою деревянным ключом», «сделанным по водскому обыкновению», «дабы во оной кто воровски не зашел и чего б не похитил». Некоторые из удмуртов «по закошености и грубым видам» притворялись не знающими русского языка, хотя «присутствующими замечено, что из них некоторые по-русски говорить могут» [ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 580об.–593, 595об.–597, 599–599об., 600об., 601об., 604, 607–609об., 612об.–613об., 618, 623].

Кумышка-самогон была запрещена для изготовления для всех народов края, кроме удмуртов. Для последних запрет также имел место с середины XVIII в. до 1802 / 1803 гг., в 1818–1827 гг. и, наконец, с 1890 г. до конца имперской эпохи. При этом, даже когда существовало разрешение, имелись достаточно существенные законодательные ограничения. Главными из них были запрещение торговать ею, и особенно ограничение пределов крепости. В реальной жизни добавлялись новые ущемления. Так, жители с. Старый Мултан 14 июля 1861 г. пожаловались в Старотрыкском волостном правлении на стражника «поверенного Худякова» и на продавцов Кизнерского питейного дома. Первый, согласно их показаниям, приказал к празднику Петра и Павла приобрести 5 ведер вина, чтобы таким образом обеспечить разрешение на выкурку самодельного алкогольного напитка, а после приобретения ими вначале 3 ведер (за 20 руб. серебром) сиделец попытался продать из других, «распечатанных бутылей» вино / водку «скверной доброты». Старомултанцы, заметив это, «не стали брать оной и не допустили влить в бочонки», тогда продавцы «начали ругать их скверноматерно», драться и, как итог, выгнали из питейного заведения, не отдав ни уже купленного вина, ни денег [ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 782. Л. 1об.–2об., 3–3об., 5об.–7].

Ближе к концу XIX столетия, в 1881 г., для некоторых из крестьян-удмуртов вполне нормальным было в Рождество, 25 декабря, после обеда пойти по своей деревне «пировать», переходя из дома в дом и употребляя «вино и кумышку» так, что к полночи напиться допьяна (д. Волкова Большеучинской волости Малмыжского уезда). При этом их соседям естественна мысль, что не пришедшие домой не только под утро, но и через несколько дней могут отправиться пировать в соседнюю д. Березек «к сыну» одного из них. И только значительно позднее, к 1 января, по выяснении отсутствия одного из ушедших дома и в гостях, обществом начались поиски пропавшего. Подобные «пирования» у родственников либо просто в соседних селениях были характерны и для русских соседей удмуртов. Например, так было 2 и 3 февраля в поч. Табани и поч. Мальчикове той же волости, основанных старообрядцами и подведомственными официальной церкви. Подобное гостевание в том же году документами зафиксировано в

Троицу, в ночь с 16 на 17 мая, из д. Большой Сюги (Большеучинская волость Малмыжского уезда) в соседнюю д. Лайшуд (Можгинская волость Елабужского уезда). Вероятно, к этому же празднику утром 14 мая варили пиво в «шалаше» удмурты д. Эшметьгурт Селтинской волости Малмыжского уезда Филипп Еремеев с женой [ГАКО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 50. Л. 14–15, 66–67, 245–245об., 274–274об.; ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 1662. Л. 211–221, 564–567]. По сведениям полицейского управления Малмыжского уезда, татары также «предавались пороку пьянства», особенно во время празднования Джиена и Сабантуя [ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 91. Л. 50]. Имеющиеся представления о незначительных масштабах распространения пьянства в дореволюционный (или, как минимум, до преобразований С. Ю. Витте, связанных с введением государственной монополии на реализацию спиртных напитков) период все-таки, на наш взгляд, носят необъективный характер. Часть отмеченных выше фактов празднований с употреблением выпивки закончилась смертью. В журнале заседаний Малмыжского уездного суда за сентябрь 1863 г. были зафиксированы факты смерти минимум 7 чел. (3 удмуртов и 4 русских) от неумеренного употребления алкоголя [ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 809. Л. 23–26об.]. Разумеется, необходимо согласиться с утверждением этнографов об осуждении народом пьянства, отсутствии необходимости напиваться в обрядах (см., например: [Трофимова 1991: 78–79]). Вместе с тем оно и сейчас в основном не приветствуется, но реалии очень часто имеют расхождения с идеальными представлениями.

Подводя некоторые итоги, заметим, что удмуртское кумышкварение, а шире — употребление алкогольных напитков в Вятско-Камском крае получили широчайшее освещение в архивных источниках. И это, среди прочего, дает исследователю основательный материал для характеристики не только вопросов «народного питания», но и ряда других составляющих материальной и духовной культуры народов края, которые, возможно, даже могут дополнить сложившиеся в научной литературе представления об «ушедшей натуре». Обладая, несомненно, ритуальными функциями, кумышка в значительно большей степени все-таки выполняла свою непосредственную функцию опьяняющего напитка, что естественным образом получило отражение в документальных источниках.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума и УрО РАН в рамках научного проекта № 15-13-6-6 программы фундаментальных исследований «Традиции и инновации в истории и культуре».

Источники

- ЦГА УР — Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики».
 ГАКО — Кировское областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Кировской области».
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Блинов Н. Н. Вопрос о кумышке // Записки для чтения. 1867. № 3. С. 31–43.
 Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
 Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX — начало XX в.). Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 388 с.
 Михеев И. С. Кумышка. История кумышки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1928. Т. XXXIV. Вып. 1–2. С. 146–159.
 Никитина Г. А. Кумышка в традиционном обществе и в современной жизни удмуртов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2015. № 1. С. 33–36.
 Никитина Г. А. Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 84–96.
 Никитина Г. А. Роль галлюциногенов (кумышки) в быту удмуртов // Об этнической психологии удмуртов: сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. С. 49–63.
 Орлов П. А. Статус алкоголя в традиционной удмуртской культуре // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 94–100.
 Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX — 90-е годы XX вв.). Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 241 с.
 Пислегин Н. В. Традиции взаимопомощи у народов Камско-Вятского края в исторической ретроспективе // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 90–96.

- Сади́ков Р. Р. Культ луда / керемета у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 102–113.
- Трофи́мова Е. Я. Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991. 176 с.
- Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2012. 288 с.
- Христолюбова Л. С. Обрядность и мифология // Удмуртская мифология: сб. ст. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 103–110.
- Шутова Н. И. Календарные и семейные обряды слободских удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2 (31). С. 185–199.
- Sources**
- TsGA UR — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki* [The Central State Archive of the Udmurt Republic].
- GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti* [The State Archive of Kirov Oblast].
- RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts].
- References**
- Blinov N. N. *Vopros o kumyshke* [The question of kumyshka]. *Zapiski dlya chteniya* (Reading Notes journal), 1867, No. 3, pp. 31–43 (In Russ.).
- Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira u udmurtov* [The religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p. (In Russ.).
- Volkova L. A. *Zemledel'cheskaya kul'tura udmurtov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [The agricultural culture of the Udmurts (the latter 19th – early 20th cc.)]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2003, 388 p. (In Russ.).
- Mikheev I. S. *Kumyshka. Istoriya kumyshki* [Kumyshka and its history]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* (Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography), Kazan, 1928, vol. XXXIV, iss. 1–2, pp. 146–159 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Kumyshka v traditsionnom obshchestve i v sovremennoy zhizni udmurtov* [Home-distilled vodka in traditional society and contemporary life of the Udmurts]. *Zdorovie, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov* (Health, Demography, Ecology of Finno-Ugric Peoples journal), 2015, No. 1, pp. 33–36 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Mifologicheskie predstavleniya v narodnoy meditsine udmurtov* [Mythological ideas in Udmurt folk medicine]. *Udmurtskaya mifologiya: sb. st.* [Udmurt mythology. A collection of articles]. Izhevsk, 2004, pp. 84–96 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Rol' gallyutsinogenov (kumyshki) v bytu udmurtov* [The role of hallucinogens (kumyshka) in Udmurts' daily life]. *Ob etnicheskoy psikhologii udmurtov: sb. st.* [National psychology of the Udmurts. Collected works]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 1998, pp. 49–63 (In Russ.).
- Orlov P. A. *Status alkogolya v traditsionnoy udmurtskoy kul'ture* [The place of alcohol in traditional Udmurt culture]. *G. E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ya: sb. st.* [G. Vereshchagin and ethnocultural development of the Volga-Ural peoples. A collection of articles]. Izhevsk, 2004, pp. 94–100 (In Russ.).
- Popova E. V. *Semeynye obychai i obryady besermyan (konets XIX — 90-e gody XX vv.)* [Family customs and traditions of the Besermyan (the late 19th c. – 1990s)]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 1998, 241 p. (In Russ.).
- Pislegin N. V. *Traditsii vzaimopomoshchi u narodov Kamsko-Vyatskogo kraya v istoricheskoy retrospektive* [Traditions of mutual aid among peoples of the Kama-Vyatka region in historical retrospective]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* (Yearbook of Finno-Ugric Studies), iss. 2, Izhevsk, Udmurt University Press, 2014, pp. 90–96 (In Russ.).
- Sadikov R. R. *Kul't luda / keremeta u zakamskikh udmurtov* [The cult of loud/keremet among the Udmurt of the Trans-Kama river area]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2008, No. 4, pp. 102–113 (In Russ.).
- Trofimova E. Ya. *Kak slozhilas' narodnaya kukhnya udmurtov. Blyuda udmurtskoy kukhni* [The making of Udmurt folk cuisine. National dishes]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1991, 176 p. (In Russ.).
- Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurt Republic: historical and ethnographic sketches]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2012, 288 p. (In Russ.).

- Khristolyubova L. S. *Obryadnost' i mifologiya* [Ceremonialism and mythology]. *Udmurtskaya mifologiya: sb. st.* [Udmurt mythology. A collection of articles]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2004, pp. 103–110 (In Russ.).
- Shutova N. I. *Kalendarnye i semeynye obryady slobodskikh udmurtov* [Calendar and family rituals of sloboda Udmurts]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* (Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction *journal*), 2016, No. 2 (31), pp. 185–199 (In Russ.).

УДК 94(470.51)

УДМУРТСКАЯ КУМЫШКА: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX ВВ.

Николай Викторович Пислегин¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: cpeg@rambler.ru.

Аннотация. Удмуртский традиционный алкогольный напиток кумышка являлся объектом внимания со стороны государства. С середины XVIII в. государство периодически стало запрещать этот напиток, а в моменты, когда она разрешалась, вводились значительные ограничения. Главным был запрет на его продажу, ограничивались пределы крепости. Жизнь добавляла новые ущемления, связанные, в первую очередь, с коррупцией. Сам термин, по всей видимости, является производным от русского слова *кумушка*, его возникновение связано с массовым крещением удмуртов. В начале XIX в. отмечается использование кумышки не только в традиционных молениях, но и в православных праздниках. Котлы для ее приготовления первоначально могли быть не только чугунными, но и медными. Встречающиеся в публикациях сообщения о незначительных масштабах распространения пьянства в дореволюционный (или дореформенный, или предмонопольный, т. е. до введения казенной винной монополии эпохи С. Ю. Витте, и т. д.) период, все-таки, на наш взгляд, носит необъективный характер. Связанные с кумышкой и кумышководарением события, получившие отражение в архивных документах, представляют возможность осветить повседневность, жизнь крестьян нашего края в то время, когда еще отсутствовало их планомерное изучение, и шире — дают исследователю основательный материал для характеристики не только вопросов «народного питания», но и ряда других элементов материальной и духовной культуры народов края, этнографических описаний, которые, возможно, смогут дополнить сложившиеся в научной литературе представления об «ушедшей натуре».

Ключевые слова: удмурты, обрядовый напиток, кумышка, государственное регулирование.